

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

Татьяна
УСТИНОВА

Один день, одна ночь

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Один день, одна ночь : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-190976-5

Один день и одна ночь — это много или мало? Что можно разрушить, а что создать?..

В подъезде дома, где живет автор детективных романов Маня Поливанова убит ее старый друг, накануне заходивший на «рюмку чаю» и разговоры о вечном. Деньги и ценности остались при нем, а он сам не был ни криминальным авторитетом, ни большим политиком, ни богачом! Так за что его убили?

Алекс Шан-Гирей, возлюбленный Поливановой и по совместительству гений мировой литературы, может быть, и не похож на «настоящего героя». Он рассеян и очень любит копаться в себе. Тем не менее, он точно знает: разбираться в очередном происшествии, в которое угодила его подруга, предстоит именно ему.

Один день и одна ночь — это очень много! Они изменяют всю дальнейшую жизнь героев, и у них есть только один шанс сохранить самих себя и свой мир — установить истину...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190976-5

© Устинова Т. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«Ты злой? — тихонько спросил Муми-тролль. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!»

Тове Янсон.

«Повесть о последнем в мире драконе».

Сегодня

...Приехал наряд, и скучные люди в скучных серых одеждах со скучными дерматиновыми папками под мышками стали осматривать тело. Они присаживались, обходили его кругом, то и дело задевали откинутую очень белую и неживую руку. Рука при этом шевелилась.

— Соседи обнаружили?.. — спросил кто-то из них скучным голосом, похожим на серый дерматин, и второй кивнул на высокую девицу, которая сидела на площадке между первым и вторым этажом, щурилась, курила и стряхивала пепел в громадную чистую хрустальную пепельницу. Пепельница стояла рядом на ступеньке. Обе, и девица и пепельница, были странные и здесь неуместные. — Все остальные жильцы жмутся к стенам, шепчутся, а эта посиживает себе! Покуривает. Ишь ты!..

— Только ты... поаккуратней с ней, — закрываясь от девицы папкой, пробормотал второй.

— А чего? В истерике?

— Да не в истерике она. Она... в телевизоре.

— Чего?!

— Да она какая-то, блин, писательница из этих... модных. Лелька моя от нее прям визжит!.. Только вчера по телику показывали, она там всех жизни учила...

— Вот, е-мое...

— То-то и оно...

Первый вздохнул и стал подниматься. Девушка смотрела на него внимательно, курила.

— Здрассте, — сказал он, не дойдя, и поправил под мышкой свою папку. — Капитан Мишаков. Ваш труп?

И побагровел от такой своей оплошности.

— Не совсем, — не моргнув глазом, отозвалась девушка и затушила сигарету. — Но я знаю чей. То есть я его знала, пока он еще не пришел в состояние трупа.

Капитан Мишаков, выправляя оплошность, заговорил нарочито громко и четко, и опять вышла глупость:

— Я имею в виду, это вы его обнаружили в состоянии трупа?

— Господи, помоги, — отчетливым театральным шепотом произнесла величественная бабка в атласном расписном халате, — до чего дошло!.. Так я и знала!

Капитан Мишаков посмотрел — соседи толпились, вытягивали шеи. Нужно всех разогнать по квартирам, послать лейтенанта опросить, а начать с бабки.

— Это Толя Кулагин, — продолжала девушка, не обращая внимания на зрителей, и кивнула в сторону трупа. — Он вчера у меня гостевал. Старый друг.

Капитан Мишаков пожал плечами, сбежал на несколько ступенек, призвал Павлушу-лейтенанта, вполголоса отдал указания, вернулся на площадку и пригласил девицу «пройти».

— Куда? — не поняла та, но послушно поднялась, сразу став на голову выше капитана.

Высокие женщины ему не нравились.

— Пройдемте в квартиру! Которая ваша?

В квартире — ого-го, такие все больше в кино показывают! — было сумрачно, очень тихо и хорошо пахло.

— Хотите? — спросила переставшая ему нравиться девица. — Кофе сварить?

— Простите, как имя-отчество ваше?

— Поливанова Мария Алексеевна.

— Мне бы документик.

— Вы проходите, — и Мария Алексеевна сделала приглашающий жест, — сейчас все будет: и кофе, и документики...

Из-под старинной разлапистой бронзово-ветвистой вешалки она вытащила портфель, довольно потрепанный, и пошла по коридору. Капитан двинул было за ней, но остановился и присвистнул, ничего не мог с собой поделывать.

Все стены широченного, как трамвайное депо, коридора занимали книги. Их было столько, что за ними не разглядеть полку, и казалось, книги просто растут из стен, начинаются на полу и заканчиваются где-то в невообразимой высоте, под матовыми лампами на длинных цепях.

Книги были навалены, наставлены, засунуты друг на друга, прислонены, подперты, втиснуты, они жили какой-то собственной, неизвестной ка-

питану Мишакову жизнью. В первый раз он видел живые книги.

— Я вам потом еще в кабинете покажу, — запросто, как другу, сказала девица и распахнула дверь на кухню. — Там еще больше! Считается, что прадед начал их собирать, но сдается мне, что у него уже была библиотека, когда...

— Здравствуйте.

В солнечном, ярком до слез после книжной темноты коридора оконном проеме маячил силуэт. Человек сидел на каменном подоконнике, босой, в джинсах и мятой футболке. На джинсах дырки. На голове кудри и локоны. В руке кружка.

У-у-у, подумал капитан Мишаков. Дело плохо.

— Вот мой документик. — И в руку ему ткнулся паспорт в затасканной обложке. — Вам с молоком и с сахаром?.. — спросила хозяйка.

— Вы тоже паспорт покажите, — буркнул капитан в сторону сидящего на подоконнике и наскоро пролистал страницы, которые сообщали, что Мария Алексеевна Поливанова родилась тогда-то, проживает согласно прописке здесь же, бездетна и в браке не состоит.

— Тогда уж и вы покажите! — произнес длинноволосый.

Капитан перестал листать.

— Что показать?

— Паспорт.

— Зачем?

— А мой вам зачем?

Мишаков рассердился.

Вот чего он терпеть не мог, так вот эдаких фанаберий!.. Сейчас еще про адвоката речь заве-

— Вот, пожалуйста, — сказала девица так близко, что капитан даже вздрогнул и оглянулся.

Чего это она то и дело появляется и исчезает?! Ей бы над старым другом безутешные слезы проливать, а она порхает, хоть и похожа... на лошадь, а лошади порхать не положено!

— Вот паспорт, а это ваш кофе. Я сахару побольше положила.

Капитан почему-то покорно взял и чашку, и паспорт.

Шан-Гирей Александр Павлович. Что за фамилия, чучек, должно быть, какой-то!.. Родился, женился, развелся. Прописан у черта на рогах, военнообязанный, детей нету.

На фотографии кудрявый и дырявый выглядел самым обыкновенным, ничем не примечательным человеком, и капитан вздохнул и поставил кофе на стол.

...Документики-то мы пока приберем, пожалуйста. Для остротки. Известно, когда должностное лицо забирает паспорт и возвращать его как будто и не собирается, это всегда производит... соответствующее впечатление. Оказывает, так сказать, психологическое давление. А капитану Мишакову в данный момент очень важно на странную парочку психологически надавить!..

И он аккуратно и неспешно поместил паспорта в дерматиновую папку и даже «молнию» застегнул, вжикнул специально погромче.

Ни Мария Алексеевна, ни Александр Павлович на такое его «вжиканье» никакого внимания не обратили. Психологическое давление оказать не удалось.

Да ну их совсем!..

— Итак, Кулагин Анатолий Петрович вчера вечером находился здесь в гостях, я правильно понял?..

— Абсолютно, — отозвалась девица. — Два раза.

— Что значит... два раза?

— В первый раз Алекс его выставил, так он вернулся! Пришлось еще раз выставлять. Повторно.

— Алекс кто такой?

— Это я, — все с тем же неприязненным равнодушием представился чучмек в локонах, по паспорту Александр Павлович.

— Вы бы кофе попили, — посоветовала девица. — Остынет.

Мишаков покосился на крохотную чашечку со странно закрученной ручкой и непонятной картинкой.

Все в это доме непонятно и странно закручено.

— Вы, Александр Павлович, вчера тоже в гости приходили?

— Я здесь живу.

Что чучмек не гость, а хозяин, видно невооруженным глазом, это капитан уж просто так спросил!..

— Вы сказали, что вчера вечером с Кулагиным подрались. Из-за чего?..

— Во-первых, это не я сказал. Во-вторых, мы не дрались.

— Вы бы уж договорились между собой, — начал капитан Мишаков, стараясь, чтоб прозвучало добродушно, и отхлебнул кофе. Горячо! Вкусно! Надо бы Павлуше, лейтенанту, сказать, чтоб глянул наскоро на предмет синяков и ссадин на трупe,

а там дальше эксперты как следует посмотрят. — Вы бы договорились, чего врать станете! А то куда это годится! То дрались, то не дрались. Но на всякий случай хочу предупредить, что за дачу ложных показаний ответственность предусмотрена.

— Пока никто из нас никаких показаний не дает. — Чучмек оперся ладонями о каменный подоконник, свесил патлатую голову и теперь рассматривал собственные босые ноги. — Или тогда ведите протокол.

Вот терпеть Мишаков не мог всяких таких фанаберий!.. Тут уж и до адвоката недалеко! Сейчас начнет права качать и грозить международным трибуналом в Гааге! Слыхали мы эти песни. Эх, если б не девица из телевизора — капитан покосился на нее раздраженно, — отволлок бы сейчас этого в отделение, съездил пару раз по зубам, засадил в «обезьянник», живо бы тон сменил!..

— Выходит, вы не дрались?..

— Ничего не выходит, капитан. — Шан-Гирей перестал изучать свои ноги, поднял голову и уставился ему в глаза так, что Мишаков даже дрогнул немного, стул под ним громыхнул. — Этот ваш Кулагин вчера приходил к нам и очень плохо себя вел. Первый раз я его просто вывел на площадку. Но он через некоторое время вернулся, стал буяннить и...

— Алекс дал ему по физиономии, — влезла девица, — и мы его больше не видели.

Глаза за стеклами круглых очков сияли.

Вот хоть ты тресни, подумал капитан Мишаков, а каждая женщина на свете приходит в восторг, если мужчина в ее присутствии совершает «героический поступок»! Неважно какой. Матер-

щинника там приструнит, колесо поменяет, бабуса нищей двадцатку сунет. Женщине все равно. Главное, что — герой!

И этой, из телевизора, важно, что ее чучмек кому-то по морде съездил! Первобытно-общинный строй, что ни говори, а все туда же, эмансипированные они, свободные!..

Как бы не так — свободные!..

— Если вы отказываетесь сотрудничать, я вас сейчас заберу в отделение, и там мы во всем разберемся. Под протокол! — Капитан повысил голос, потому что чучмек явно собрался что-то возразить. — Итак, я спрашиваю: что произошло вчера вечером в вашей квартире? И еще, — Мишаков одним глотком допил кофе из диковинной чашки. — Кто из вас убил Кулагина Анатолия Петровича?

— Матьер божья, — пробормотал Шан-Гирей, отвернулся и стал смотреть в окно.

— Никто не убивал, — удивилась девица. — Что мы, с ума сошли, что ли?.. Очень нам нужно его убивать!..

— Он не стоит таких усилий, капитан, — глядя в окно, добавил Шан-Гирей.

Да ну их совсем!.. Психологический прием опять не сработал, а ведь хороший прием-то! Когда-то в Школе милиции следователь Петрушин, еще той, старой закалки следователь, учил их, желторотых юнцов: иногда и очень даже часто, особенно если убийство совершается на бытовой почве, преступник на прямой вопрос дает прямой ответ.

От растерянности дает. От неуверенности. От раскаяния, что сделал глупость — убил, а уже ничего не исправить!

Но эти двое не были растерянными и уж точно ни в чем не раскаивались!..

— Вы... не спешите? — с сочувствием спросила девица. — Как ваше имя-отчество?

— Сергей Петрович!

— Я вам сейчас все расскажу, Сергей Петрович, — пообещала девица. — Только это будет... долго. Ничего?..

Вчера

Писательница Марина Покровская — в миру Маня Поливанова — поняла, что больше ни секунды не сможет провести за компьютером, ну просто ни одной секунды! Отрываться было жалко — там, у нее в романе, дело шло к развязке, и герой уже почти догадался, кто убийца, и героиня уже почти догадалась, кого она любит, и убийца почти догадался, что должен спешно уносить ноги, а тут, как назло, у автора силы кончились!..

— Охо-хонюшки-хо-хо, — под нос себе пробормотала писательница Поливанова и потеряла глаза под очками.

Очки немедленно свалились с носа, пластмассово клацнули по клавиатуре. Маня испуганно посмотрела, не разбились ли.

Ничего, целы.

Очень хотелось есть, пить, спать и как-то подвигаться — все одновременно.

Маня тяжело выбралась из-за стола и проделала некое антраша, очень неловко. В глазах потемнело, в голове загудело, и пришлось схватиться за край массивного письменного стола, чтобы не упасть.

— Уработалась что-то, — громко сказала Маня, хотя точно знала, что ее никто не услышит. — Так нельзя, матушка. Скоро к стулу прирастете, отдирать придется.

...Алекс уехал на какое-то интервью, давно, еще в обед. Давать интервью он терпеть не мог, долго ломался, скулил, ныл, говорил, что не поедет, и не уговаривайте, хотя сразу было понятно — поедет, никуда не денется. Об этом хлопотала сама Анна Иосифовна, очень мило:

— Алекс, душа моя, сделайте одолжение! Я так редко о чем-то вас прошу, ведь правда? Много времени это не займет!

«Душа» Алекс согласился, конечно, но зато душу из Мани вынимал... долго и основательно.

Так полагалось по правилам игры.

Правила были чрезвычайно просты. Все, что делает Александр Шан-Гирей — писатель Алекс Лорер, — чрезвычайно важно, талантливо, первостепенно и грандиозно. В масштабах человечества, разумеется.

Все, что делает Мария Поливанова — писательница Марина Покровская, — не имеет никакого значения, узко, мелко и годится лишь для кратковременного развлечения. Человечество ни при чем.

«Талантливый и грандиозный» Алекс Лорер создавал самые настоящие шедевры, романы, признанные во всем мире.

«Узкая и мелкая» Покровская — на самом деле рослая и довольно крупная — строчила детективы, которые, как известно, презирают все: и критики, и журналисты, и сами писатели. Кро-

ме, собственно говоря, читателей, среди которых есть и критики, и журналисты, и сами писатели. Для них-то, для читателей, Маня и старалась.

Сегодня особенно — вон чуть в обморок не повалилась прямо у письменного стола!..

Повздыхав, Маня с сожалением закрыла крышку ноутбука с нарисованным молочного-белым яблочком, очень соблазнительным, и подумала, что неплохо было бы на самом деле яблоко съесть, но где ж его взять?.. Ехать на рынок нет сил, да и поздно уже, восьмой час, послать «человека» тоже нет никакой возможности. «Человек» уехал давать интервью, и когда явится к очагу — неизвестно.

Вот если бы у меня была дача в Малаховке, мечтала Маня по дороге на кухню, я бы вкопала в саду круглый стол, а на него бы поставила корзину, и в ней всегда были бы яблоки — красота!.. Еще у меня была бы беседка, классическая, дачная, как во внутреннем дворе «Алфавита», увитая диким виноградом, с широкими лавками и дощатым полом, на резные перила брошен клетчатый плед.

Отчасти Маня Поливанова в данный момент напоминала самой себе помещика Манилова из Гоголя, который желал, чтоб непременно был пруд, а через пруд чтоб мост, а на мосту чтоб купцы и лавки!..

И в холодильнике не нашлось ничего утешительного!.. Два куска сыру, но разве ж это утешение!.. Алекс любил сыр, а Маня не очень, хотя знала, что сыр и красное тосканское вино — это правильно, это положено любить.

Чего бы поесть?.. Маня задумчиво почесала ногу через дырку в джинсах и захлопнула холодильник.

— Чижа захлопнула злодейка-западня! — провозгласила она.

Может, красного тосканского вина тяпнуть? И заесть его сыром, как положено?..

Грустно, когда дома нет никого и некому сказать, что устала, когда в холодильнике шаром покати, а в спине кости цепляются друг за друга, ноют, мешают жить, и в голове какая-то ерунда про Манилова и чижа!

Грустно, когда успехи и победы или усталость и неразбериху мыслей не с кем разделить и никому дела нет...

— Никому — это кому? — сама себя спросила Маня Поливанова, наугад вытащила с полки вино и подслеповато уставилась, пытаясь разобрать, тосканское оно или нет. — Никому — это значит Алексу, правда же, голубушка? Только он вас интересуется!

Не разобрав, что написано, Маня водрузила бутылку на стол.

— Он занимал все ее мысли, — торжественно произнесла она и приналегла на штопор, который что-то плохо вкручивался. — Душа ее ни об чем так не убивалась, как об нем!..

Маня вытащила длинную влажную пробку и понюхала — по правилам обязательно нужно понюхать. Пахло хорошо, как будто листьями, травой и черной смородиной.

Вот если, к примеру, позвонить Викусе или Катьке Митрофановой, они непременно приедут

и ее спасут! Пожалуют бедную усталую Маню, дадут поесть, расскажут, как там, на воле, где постепенно разгорается лето!..

Викуся еще, должно быть, скажет, что дождик сейчас был бы очень кстати, а то у нее на даче огурцы горят, или, может, петрушка, или баклажаны, Маня в огородничестве ничего не смыслила... Тетя очень любила дачную жизнь и всячески пыталась приобщить к ней племянницу, но что это за дача — шесть соток с грядками, ступить некуда, садовый домик в полторы неудобные комнатки, где в одном углу ютились плитка с газовым баллоном и стол, крытый жесткой изрезанной клеенкой со скрученными от старости краями, а в другом лопаты, грабли и ведра — все это внутри, чтоб не сперли!..

Впрочем, в прошлом году Викуся «окончательно решила», что так больше продолжаться не может и племянница должна переехать за город и ни минуты не задыхаться больше в «душной Москве, ни одной минуты!». Был куплен участок где положено, на северо-западе, правда, в чистом поле, ни дерева, ни кустика, только развороченная бульдозерами земля до самого горизонта. Ни Маня, ни Викуся толком не знали, как именно следует строить загородные дома, и дело продвигалось медленно и совсем не так, как представлялось в начале дачной эскапады. Круглый, утирающий красное лицо и подпрыгивающий на месте, как пыльный детский мячик, дядька-прораб во всем с Викусей соглашался, называл ее «хозяйюшка», но поделать ничего не мог — строили кое-как, и выходило очень дорого. Викусе постепенно все надоело, хотя она и делала вид, что не сдает-

ся, и в последнее время они даже стали ссориться с Маней. Тетушке казалось, что Маня все «свалила на ее плечи, а сама ничем не интересуется».

В общем, так оно и было, но интересоваться у Мани решительно не было возможности и сил — она зарабатывала деньги на «большое строительство».

Тут писательница Поливанова вздохнула, сознавая собственное несовершенство.

...Вот если бы у меня была дача в Малаховке, с соснами и зарослями бузины и жасмина, в которых всегда таинственно и прохладно, с самоваром, растопленным на шишках, с дивным кустом пионов под окном спальни — окно распахнуто, ветер вздувает кружевную штору, — тогда бы я непременно...

В дверь позвонили.

Обрадованная Маня кинулась открывать — вернулся, ура, ура, сейчас вместе будем пить вино и заедать его сыром, это ведь так вкусно, — и только у самого порога сообразила, что Алекс не стал бы звонить. У него ключи есть.

Маня Поливанова нажала кнопку на домофоне и сначала удивилась, потом огорчилась, а потом решила притаиться.

Никого нет дома!..

— Поливанова, открывай! — во весь голос закричал человек на площадке, и она подалась назад от неожиданности. — Давай, давай, шевелись! Где ты там пропала?..

Маня с другой стороны двери несколько раз стукнула лбом в стену, помедлила и отперла. Деваться теперь некуда.

— Ты спишь, что ли, кулема?! — Незванный гость, который, как известно, хуже татарина, отдуваясь, протиснулся мимо нее. — А лифт чего, не работает?

— Про лифт не знаю, а я работаю, — холодно сообщила Маня Поливанова. — Привет, Анатолий. Проходи. Ты бы хоть позвонил сначала, что ли!..

— А я телефон вчера про... подевал куда-то! А про работу свою ты мне-то не заливай! — Один об другой он стянул с ног ботинки и приложился к Маниной щеке мокрым поцелуем. От него пахло дорогим одеколоном и чуть-чуть спиртным. — Журналистам будешь заливать! Можно подумать, я ничего не знаю про твою работу!

Маня немедленно поклялась себе, что заводится ни за что не станет. Она будет мила, гостеприимна, любезна, как и полагается со старым другом.

— Ну чего? — Он оглядел ее с головы до ног. Маня машинально пригладила очень короткие растрепанные волосы. — Все толстеешь?..

Он пошел по коридору совершенно по-хозяйски и велел издали:

— Займись физкультурой, Машка! Похудеть не похудеешь, но хоть расти как на дрожжах перестанешь!..

...А что поделаешь?.. Старый друг. Лучше новых двух. Где бы взять двух новых и обменять их на этого старого?..

— Или не жри после шести! Вот я перестал и — видишь?..

В глубине коридора он стал к ней боком и втянул живот изо всех сил. Маня сказала, что видит.

— Я после шести только из-за компьютера вылезаю, — словно оправдываясь, добавила она. — Или после восьми. А бывает, и ночью, смотря как пойдет!

— Поливанова, ну чего ты?.. Как будто я твоих книженций не видал! Это ж все задней левой ногой делано, их можно дюжину в неделю писать!.. И людей можно нанять, они все за тебя напишут, какая, на хрен, разница!.. Это же вообще не работа.

Маня Поливанова никогда не могла понять — старый друг оскорбляет ее намеренно или у него просто такие... своеобразные представления о ней и ее жизни?..

— А где твой гений? Бросил тебя уже или еще нет?

— Еще нет, — бодро откликнулась Маня. — Хочешь вина?

— Смотри ты! — удивился Анатолий. — Сколько он уже продержался? Год? Или даже больше?.. Вина я не пью, ты же знаешь, я лучше коньячку достану!..

И полез в пузатый прадедушкин буфет.

Маня постояла в дверях гостиной и ушла на кухню. Внутри головы у нее образовался крохотный, как будто свинцовый, шарик, очень тяжелый и холодный. Маня знала, что дальше он начнет неудержимо расти, и часа через два вместо головы у нее будет огромный, холодный металлический шар.

Маня плеснула себе вина, залпом выпила и достала из холодильника сыр.

— Есть нечего, конечно? — осведомился Анатолий, появляясь на пороге. В руках он держал увесистую круглую бутылку и два коньячных бо-

кала. — Ну до чего вы, бабы, дуры, а?.. У тебя же вроде мужик в доме, а на стол подать нечего!

Маня, которая считала себя образцовой хозяйкой, возразила, что к приему гостей сегодня не готовилась и закупками провианта не занималась.

— И потом, ты же после шести не ешь, — напомнила она с некоторым злорадством. — Соблюдаешь красоту.

Он махнул на нее рукой.

— Один раз можно. На меня бабы знаешь как бросаются?..

— Как? — тут же спросила Маня, и Анатоль глянул на нее с подозрением.

Фамилия его была Кулагин, Анатодем он стал непосредственно по прочтении бессмертного романа графа Толстого «Война и мир». Анатоль Куракин — вот кто перепахал его неокрепшее юношеское воображение! Маня смутно помнила разговоры в семье о том, что дедушка и бабушка нынешнего Анатоля, тогда еще просто Толика, были всерьез обеспокоены и делились переживаниями с Маниными родственниками. Со всей силой изобразительного таланта граф, как известно, живописал Анатоля первостатейным подлецом, и что именно привлекало в нем Толика, для бабушки и дедушки оставалось загадкой. Маня помнила какие-то тревожные разговоры про «молодое поколение», «крушение идеалов», «слишком легкую жизнь».

Тревожные разговоры велись в этой самой квартире, за чайным столом, под молочной люстрой на бронзовых цепях, заливавшей уютным светом белую скатерть. Под этим светом особенно

желтыми, яркими казались мармеладки «Балтика», облепленные бриллиантовыми крупинками сахара и вкусно уложенные в хрустальную вазочку.

После «Войны и мира» начались проблемы посерьезнее — «дурная компания», «чуждые ценности», «антисоветские элементы». Помнится, даже случилось совсем ужасное — прослушивание «Голоса Америки»! В той самой дурной компании, разумеется.

Мальчик, разумеется, умный и тонкий, не умел сопротивляться тлетворному влиянию, и решено было забрать его из МГИМО и отдать в ПТУ, кажется, по специальности стропальщика, а может, оператора станков с числовым программным управлением. И вроде даже отдали!.. Впоследствии Анатолий своим пролетарским андеграундным прошлым очень гордился — еще бы, сходил в народ и выжил!..

Впрочем, пребывание «в народе» ничего не изменило, он «стремительно катился под горку», набирая обороты. Бабушку и дедушку признали не справившимися с воспитанием, и тогда решено было из ПТУ отправить мальчика в Париж, где жили родители. Папа Анатоля состоял на очень большой и совершенно безопасной должности — то ли представителем ЮНЕСКО где-то, то ли советником по культуре при ком-то.

Жизнь, и до этого прекрасная, тут уж стала просто фантастической!.. Родители, милые и культурные люди, обременять себя не любили. Они потрепали шалунишку по длинным патлам в битловском стиле, рассеянно посоветовали «не дуришь» и определили в знаменитый буржуазный университет.

Папа ловко все устроил — простой советский паренек Анатолий Кулагин приехал «по обмену» из ПТУ непосредственно в Сорбонну!.. Здесь он моментально выучился блестяще говорить по-французски, курить травку и писать стихи.

Университетские подружки считали, что он не лишен поэтического дара, в котором есть что-то от Бодлера.

Лет двадцати Анатолий женился первый раз, кажется, на бразильянке, а может, на мексиканке. Родилась дочка Роксолана, Рокси, чернокудрая и черноглазая красавица, чудесное скрещенье рас и смешение кровей. Вскоре ее мать окончила курс и отбыла к себе в Рио, а может, в Мехико, и все устроилось наилучшим образом, абсолютно для Анатолия необременительно.

Постепенно все умерли — бабушка с бабушкой, кажется, от огорчения из-за внука, так и не ставшего «порядочным человеком», и из-за коммунизма, так и не ставшего светлым будущим всего человечества. И во внука, и в коммунизм они верили свято и умерли, когда верить стало не во что и не в кого.

Потом родители. Отца разбил инсульт, когда новая власть бесцеремонно выпроводила его на пенсию, заставив сдать дела какому-то проходимцу, носившему пиджак из блестящей негнушейся ткани и беспрестанно жевавшему жвачку. Возможность купить жвачку за двадцать сантимов на любом парижском углу ввергала проходимца в экстаз. Мать какое-то время судорожно пыталась спастись от жизни, внезапно рухнувшей на нее, приставала к сыну, плакала, смотрела

замученными глазами и все рассказывала, как он, маленький, ждал с работы отца. Дело происходило на даче, куда всех без исключения привозили черные «Волги», а он, совсем малыш, как-то научился различать именно отцовскую и ковылял с крыльца навстречу, и няня все боялась, что ребенок упадет, а он не упал ни разу!..

Анатолю было не до матери и ее глупых воспоминаний, и она тоже вскоре умерла.

На трагедии, сотрясавшие его семью и страну, он особенного внимания не обращал. Ему жилось прекрасно.

Во Франции остались связи, да еще какие! Одно время он бойко переводил для журналов, а потом французская жена ввела его в богемные круги, и он приналег на пьесы новых российских драматургов для экспериментальных парижских театров. Пьесы были ужасны, разумеется, про извращенцев, действительность вывернута наизнанку до такой степени натуралистично, что зрителей тошнило в проходах, — настоящий, большой успех!.. Анатолий и сам написал одну, где мать и сын сожительствуют друг с другом, и втроем сожительствуют с каким-то клошаром, а потом кто-то из них перерезает кому-то вены чайной ложкой, которую несколько минут точит на авансцене, и с первого раза перерезать не получается, а потом все удается, и тогда этой же ложкой герой пилит себе горло, и кровь вырывается фонтаном, и в финале безумная мать качает на коленях своего умирающего в страшных мучениях любовника-сына с перерезанным черным горлом и поет ему смешную детскую песенку.

Об этой его пьесе даже написали в левацкой газете.

Потом ему все надоело, и француженка надоела, они все с годами становятся скучными, как длинный и узкий шкаф с давно прочитанными книгами!.. Несколько раз она принималась всерьез толковать ему о ребенке, о загородном доме, о том, что в душном и пыльном Париже невозможно растить детей, о совместном счете на будущий университет для будущего отпрыска, о кредитах, о своем папочке из Нормандии, готовом выделить для зятя часть бизнеса, — ужасно.

Анатоль развелся и уехал в Москву, где было гораздо веселее!..

Власть переменялась, социализм обратился в капитализм, и не просто какой-нибудь завалы-щий, а «со звериным оскалом», но у руля, вот ведь странность, остались те же отцовские приятели, торжественно сжигавшие свои партбилеты прямо перед телекамерами, или их подросшие сыновья, все хорошие и милые люди. Но если в махровые совковые времена путать «свою шерсть с государственной» все же считалось преступлением, за которым могло последовать наказание, то нынче все стало гораздо проще. Выражение «все вокруг колхозное, все вокруг мое» приобрело совершенно прямой, ясный и понятный смысл. Друзья и знакомые стремительно и неудержимо богатели, гребли под себя, обзаводились охранниками и бронированными автомобилями — все же конкуренция высока, а оскал «звериный»! Анатолий к богатству был равнодушен, именно потому, что в нем вырос, и честно не понимал, для

чего нужно день и ночь ковать деньги, если они и так есть всегда!

Он опять переводил, только теперь наоборот, с французского на русский, кутил по ресторанам, поигрывал в рулетку, но никогда не увлекался, ибо был довольно скуп. Потом лихие разбойничьи времена миновали, постепенно сползли в скуку, обложенную для тех, кому повезло, со всех сторон мешками с миллионами, как горячечный больной обложен пакетами со льдом. Им стало ясно, что нужно как-то развлекать себя, а кабаки, бордели, иностранные тачки и браслеты «Картье» уже не вызывали аппетита. Захотелось чего-то эдакого, европейского, как его там... джентльменского чего-то захотелось!

И Анатолий вновь пригодился.

Его одноклассник прикупил радиостанцию и позвал Кулагина работать в эфир, а еще один знакомец учредил журнал, и Анатолий стал пописывать и называться модным словом «колумнист».

Наш колумнист Анатолий Кулагин!..

Дедушкина и отцовская квартиры, одна окнами на реку и Кремль на той стороне, а другая на Третьяковскую галерею, сдавались за какие-то несусветные деньги, сам колумнист и радиоведущий жил на даче, приятель — владелец автосалона — пригнал ему из Германии почти новую машину, еще не виданную в России, и продал за треть цены, по-дружески, по-свойски.

В Москве Анатолий моментально заделался членом высшего общества и аристократом в третьем поколении. Из низов туда тоже пробилось немало! И все эти пробившиеся, плохо образо-

ванные, жадные, не умеющие по первости как следует управляться с ножом и вилкой, сующие заскорузлые кулачищи в карманы итальянских брюк ручной работы, чтоб от нечего делать погреть там ключами или мелочишкой, ковыряющие в ушах во время многомиллионных переговоров, заедающие столетний виски салатом «Оливье», вот они-то считали Анатоля с его парижским и кунцевским дачным прошлым образцом стиля, хорошего воспитания и аристократизма! Ему даже подражать пытались, но так носить пиджаки и клетчатые шарфы, курить сигары и выбирать устриц не умел никто!

Он женился еще раза три, все так же необременительно, а лет в сорок «полюбил по-настоящему».

Возлюбленной в то время едва стукнуло семнадцать, и она покоряла Москву на свой лад в каком-то модном клубе, где ее и подцепил Анатолий. Маня Поливанова, с которой он снисходительно дружил в память о прошлом и еще потому, что дружить с ней было не стыдно, какая-никакая, а знаменитость, даже уговаривала его «не делать глупостей и оставить девчонку в покое».

На проститутку новая возлюбленная была не похожа, напротив, все мерзкое, столичное, разложившееся ненавидела. Она носила джинсы в обтяжку, а сверху цветастую цыганскую юбку, на голову повязывала бандану туго-туго, сверху пристраивала темные сиротские очки в духе Джона Леннона, катала в зубах толстую папиросу — совершенно по-одесски — и всерьез рассуждала о Гессе. А когда Анатолий приводил ее на Покровку, учила Маню жизни.

Маня слушала, вздыхала, курила, взглядывала поверх очков и старалась помалкивать.

Девчонка презрительно фыркала на Манины паркеты, просторы, полосатые отгоманки, латунные ручки и льняные занавески. Она то и дело выскакивала на балкон — в прадедушкиных хоромах «ей было нечем дышать и воздуха не хватало». На балконе она перевешивалась через перила, как будто ее тошнит. Маня поначалу пугалась.

Своего прадедушку, знаменитого авиаконструктора Поливанова, строившего во время войны легкомоторные бомбардировщики, получавшего Сталинские премии, ордена и звания, Маня очень любила и гордилась им. В энциклопедии конструктору Поливанову была посвящена целая страница! Девчонка же именovala его «при-spешником тирана» и утверждала, что всех таких непременно нужно судить посмертно показательным судом за то, что они «работали на режим и укрепляли власть сатрапа, вместо того чтобы честно бороться!».

Маня ничего этого слушать не могла и особенным терпением никогда не отличалась, так что все гостевания сей странной пары на Покровке, как правило, заканчивались скандалами.

Анатоль скандалы любил, а Маня ненавидела.

И с девчонкиным именем вышла путаница!..

Поначалу она была вроде Настя Обдуленко, но Анатолий решил, что такое имя престелнице не слишком подходит, загадочности мало, да и вообще за версту разит Одессой и Привозом, и переименовал ее в Асю Ленко, решив, что без «обду» фамилия выйдет гораздо благозвучнее.

Некоторое время приятели, и Маня тоже, разучивали новое имя и уже почти разучили, когда Анатолий опять ее переименовал!.. Теперь девчонку следовало называть Таис Ланко. Таис художественно при некоторой фантазии и перестановке букв могло сойти за сокращение от Анастасии, а Ланко звучало на редкость по-французски, а все французское Анатолий любил.

Кроме того, от Таис Ланко до Манон Леско совсем уж рукой подать!

— Ты играешь в аббата Прево? — спросила Маня, первый раз услышав новое имя возлюбленной Анатолия, а девчонка — знаток Гессе и литературы вообще — наивно спросила, при чем тут аббат.

В общем, и смех и...

— Грех, — под нос себе пробормотала Маня и глотнула еще вина, шут его знает, может, и тосканского, — и грех, и смех...

— Что ты там бормочешь? — Анатолий залпом хлопнул коньяку, довольно прилично, покопался в тарелке с сыром, ничего не выбрал и шумно выдохнул. — Развожусь я, Машка. Все. Больше не могу.

— Как?! — воскликнула Поливанова без особого энтузиазма. — Опять?!

— Вот что такое, а? — Анатолий вдруг покраснел и быстрым движением плеснул еще коньяку. — Вот чего ты мне сейчас морали будешь читать? Не учи взрослого дяденьку жизни, Машенька! Я гораздо больше тебя понимаю! И я говорю — не-мо-гу! Все!

Маня вздохнула.

Хоть бы Алекс быстрее вернулся со своего интервью! Яблок и колбасы не привезет, конечно,

но Анатоля... разгонит. Непонятно, почему так получилось, но Анатолий Кулагин Александра Шан-Гирея не то чтобы недолюбливал, а... как будто побаивался, что ли!..

Алекс никогда не вступал ни в какие дискуссии, в присутствии Таис Ланко вообще молчал. Поначалу Таис воинственно наскокивала на него с обвинениями, что, мол, Алекс пишет мелкобуржуазную прозу для старичков и импотентов, а писать нужно о том, что сатана грядет, и сгнивший мир смердит, как разложившийся труп, и черное солнце вот-вот встанет на Западе и возвестит, что настал последний передел.

Алекс какое-то время слушал, а потом неизменно спрашивал, очень вежливо:

— Хотите кофе? Или бутербродов? И хлеб, и колбаса у нас обыкновенные, от Елисеева.

Таис не понимала, почему Маня в этот момент всегда улыбалась, а Анатолий, наоборот, раздражался и говорил любимой, что она «чудовищно необразованна».

С самим Анатодем Алекс разговаривал вполне дружелюбно, но как-то слишком отстраненно, словно британский принц с королем Свазиленда Мсвати Третьим, явившимся на прием в Букингемский дворец в плетеной соломенной шляпе. Вроде и придрататься не к чему, и протокол соблюдается, но тесного общения на равных никак не выходит.

В кулуарах Анатолий называл Алекса «хрен с горы» и еще — «наша гребаная знаменитость».

Алекс, в свою очередь, под разными предложениями уклонялся от участия в передаче, которую

вел на радио Анатолий, и предложение написать колонку в тот же журнал отверг решительно.

В общем, дружбы двух талантливых и сильных мужчин не получилось.

— И слава богу, — вслух подумала Маня.

— Чего там слава богу?! — взвился Анатолий. — У нее ребенок, она меня разденет, как липку!

— Кто? — не поняла Маня, думавшая о своем.

— Таис, кто еще! — Он придвинулся и заговорил со страстным придыханием: — Машка, найди хорошего адвоката, а?! Ты же вроде с Глебовым дружишь! Пусть он ее голой оставит! Как подобрал нищенку подзаборную, так под забор и выброшу! А дочка чтоб со мной!.. А то ведь увезет в Одессу мою девочку, к биндюжникам своим, сука недотраханная!..

— Стоп, — приказала Маня. — У тебя, Толечка, своих адвокатов небось пруд пруди. Никого я тебе искать не буду. И что такое ты в голову взял?! Зачем тебе ребенок? Ей шесть лет всего! А тебя дома никогда не бывает, ты путешествовать любишь, эссе пишешь, рестораны уважаешь. Кто с ней будет заниматься?

— Дура! — Анатолий топнул ногой так, что перепуганно зазвенели высокие рюмки в прадедушкином буфете. — Нет, ну дура же, а?! Все вы, бабы, одним местом думаете! Я что, должен Нийку отдать ее любовникам?! Чтоб она от них там набралась...

— Нет, конечно, ее лучше отдать твоим любовницам, — перебила его Маня. — Они все, как одна, готовы заступить на вахту, да?.. И от них она как раз наберется только хорошего, доброго!

Девочку звали Нийя — очень красиво и очень непонятно, — и бесконечные родительские скандалы к шести годам превратили ее в совершенную неврастеничку. Ее то осыпали поцелуями и подарками, то отсылали к бабушке в Одессу, то вдруг забирали обратно в Москву, то устраивали в подготовительный класс для детей элиты, то неожиданно начинали воспитывать в суровых православных традициях — в зависимости от настроения и от того, кто из родителей в очередной раз выиграл мелкую или крупную баталию.

Маня девочку Нийю не любила, стыдилась этого и старалась делать вид, что любит. Нийя, совершенно запуганная и задерганная родителями, знай только закатывала истерики по любому поводу.

— Нийка — моя дочь, она должна жить в Москве, учиться в Париже, ездить на море, а эта дрянь безмозглая ничего подобного ей дать не сможет и пусть катится на все четыре!.. Ты это хоть понимаешь?! Да где тебе! У тебя детей не было никогда!

Маня промолчала.

...Хоть бы Алекс скорее приехал!

— Безмозглая дрянь жила с тобой... сколько? Семь лет-то точно! И это она родила твою дочь, которая должна жить в Москве и учиться в Париже.

— Да от меня любая бы родила и счастлива была б, что я ее обрюхатил!.. В ногах бы у меня...

— И выхода у тебя теперь никакого нет, Толя. Что бы ты сейчас ни орал, твоя жена в любом случае останется матерью твоего ребенка. Навсегда. До самой смерти. И ты должен будешь с ней договариваться.

— Я не стану с ней договариваться! Договариваются с теми, у кого в голове есть разум, а у вас, у баб...

— Ты зачем ко мне пришел, Толя?

Он удивился совершенно искренне:

— Как зачем? Поговорить! Ты мой самый старший друг, Машка, хоть и баба! Дай совет, а?.. Вот что мне теперь делать? Я же ее любил, так любил!.. А она за все добро, что я для нее сделал, в душу плюет! Любовника завела и собирается Нийку увезти и спрятать.

— Про любовников слушать не желаю, — сказала Маня. — Ты первый начал. Ты же ни одной юбки не пропускаешь!.. И даже не скрываешь ничего.

— Я мужчина, и у меня потребности.

— Ты бы свои потребности или придержал малость, или удовлетворял где-нибудь в сторонке, где никто не видит. А ты с каждой пассией для желтых журналов фотографируешься! И что твоя жена должна делать? Любоваться, что ли, на эти потребности твои?

— Помалкивать она должна! Я ее содержу, кормлю, пою, одеваю!.. Я ее в прошлом году во Францию на две недели возил, туфли купил за четыреста...

— Заткнись.

Он осекся.

— Что?

— Ты скотина.

Неизвестно, что было бы дальше, потому что Анатолий тяжело задышал и сощурил бешеные желтые глаза, а Маня поднялась, сразу став

на голову выше его, и потными от гнева пальцами крепко взялась за ножку бокала, из которого пила, и даже с наслаждением представила себе, как выплескивает содержимое ему в лицо и красное вино заливает его неопрятную, мятую на животе рубаху, но тут где-то очень далеко произошло какое-то движение, негромко хлопнуло, и Алекс позвал:

— Маня?

Она моргнула, посмотрела на свои стиснутые пальцы и осторожно их разжала.

...Матерь божья! Кажется, пронесло.

Маня выскочила в коридор, очень длинный и темный, как во всех старых домах, и потрусила к двери.

— Господи, какое счастье, что ты приехал!..

На полдороге она остановилась и прищурилась за очками.

Он приехал, но не один.

Это было вполне в его духе — привести в дом людей, даже не предупредив.

— Добрый вечер, — злобно поздоровалась писательница Поливанова, и Алекс быстро на нее посмотрел. В руках у него была какая-то коробка, и он сунул ее на прадедушкину полку для шляп, довольно высоко.

Люди, пришедшие с ним, вразнобой поздоровались.

Алекс подошел и взял ее за руку, горячую и потную.

— Нам нужно закончить интервью, — сказал он, рассматривая Манину физиономию. — Почему-то именно на моем рабочем месте.

— А вопрос «где вы берете сюжеты» уже задавали?

— Маня, познакомься, это Ольга Красильченко, журналистка, а это...

— Вы та самая знаменитая тетя, да? — воодушевилась Маня и высвободила руку. — Дэн нам все уши прожужжал!

Знаменитая тетя как будто споткнулась, клюнула носом и уставилась на Маню. Болтнулись взад-вперед очки на цепочке, а пухлые щеки покраснели, как у маленькой девочки.

— Дениска всегда рассказывает... невесть что, — выговорила журналистка.

Дэн Столетов, Ольгин племянник, здоровенный, лохматый, громогласный, работал в журнале «День сегодняшний» и дружил с Володией Береговым из издательства «Алфавит», а с некоторых пор еще и с Маней и Алексом. Когда несколько месяцев назад Берегового чуть было не засадили в каталажку, Дэн поднял на ноги всех — даже Екатерину Митрофанову, начальницу Берегового, которая его недолюбливала, и эту свою тетю Олю, на самом деле первоклассную и очень опытную журналистку, — и как-то само собой получилось, что теперь они «близкие люди», почти родственники. Говорят, так всегда бывает после испытаний, которые люди проходят вместе.

Шут его знает, может, и вправду бывает. По крайней мере, Мане Поливановой казалось, что она знает Дэна много лет и в детстве они ковырялись в одной песочнице. Хотя этого никогда и не было!

— Так это вы делаете интервью, Ольга? Алекс, нам повезло! Значит, вопроса «где вы берете сюжеты» не будет.

Тетя Дэна смутилась еще пуще, а Алекс слегка дотронулся до Маниного плеча — предостерегающе. Насилу понял, что она во взрывоопасном состоянии!..

— Ольга, это Марина Покровская. Автор детективных романов.

Про Маню Алекс почему-то никогда не говорил, что она — писатель.

— Проходите! — И автор Покровская сделала хлебосольно-приглашающий жест рукой. — У нас сегодня полно гостей.

Она не сказала, что ее можно называть «просто Маней», и не обратила никакого внимания на другую вошедшую, которая сосредоточенно сопела у самой двери, и Алекс понял, что дело серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Что-то ее расстроило, и сильно. Или работа сегодня пошла не так?.. Или она зла на него, что не позвонил?.. Впрочем, он никогда не звонил и считал, будто давно приучил к этому Маню.

Цыган, говаривала Поливанова, тоже приучал свою лошадь не есть. И она уж почти привыкла, да только с голоду сдохла.

— ...вы извините нас, пожалуйста, — приглушенно бубнила на заднем плане Ольга Красильченко, — нам нужны фотографии с рабочего места Алекса, и я бы задала ему еще буквально пару вопросов!.. Их задавать имеет смысл только там, где человек живет, в общественном месте не годится...

— Пожалуйста, пожалуйста, сколько угодно! — фальшиво восклицала Маня. — Да вы проходите, не стесняйтесь! Мне, правда, угощать вас нечем, Алекс не предупредил, что будут гости.

— Ничего, ничего не надо, что вы! И мы не гости, мы всего на пять минут, только закончим работу и не станем вам надоедать...

— Ты чего такая злая? — в ухо Мане спросил Алекс.

— Ничего.

— Что-то случилось?

— Ничего.

— Мань, у меня кроссовки не снимаются, я в них пройду?

Она судорожно поправила на носу очки и устоялась в угол, где возилась безмолвная до этой минуты вторая гостья.

Девушка Таис Ланко выбралась на свет, небрежно, снизу вверх, кивнула Мане и спросила равнодушно:

— Ты чего уставилась? Я фотографирую! Я же фотограф!

О фотографических упражнениях супруги Анатоля Маня знала не понаслышке. Когда девчонка только явилась в Москву и Анатолий обрел ее в качестве «единственной любви», выяснилось, что никакой профессии у нее нет и приставить ее к делу будет довольно затруднительно, потому как ярко выраженных пристрастий, а также образования нет тоже, а ему очень хотелось, чтобы она чем-то... «занималась». Все же он был много старше, опытней и умнее и понимал, что приспособить строптивую семнадцатилетнюю красоту сразу и навсегда к домашнему хозяйству вряд ли удастся.

«Занятия» придумывали довольно долго и всем миром. Сначала собирались пристро-

ить ее на радио, но она говорила нараспев и еще так: «Сама я с Одессы», а это для радио ну никак не годилось. Потом вроде определили в журнал бумажки перебирать, но она там фрондерствовала, бумажки путала, на звонки отвечать не умела и то и дело сбегала в курилку, где было гораздо интереснее. Тогда решили, что она станет фотографом! Было куплено оборудование — камера, объективы, штативы и лампы, — пройдены ускоренные курсы, и несколько главных редакторов, старинных знакомцев Анатоля, скрепя сердце стали поручать ей несложные съемки.

Так продолжалось какое-то время, потом родилось дитя, Анатолий пустился во все тяжкие, начались скандалы, девчонка время от времени безутешно рыдала в жилетки тех же главных редакторов, взрослых, умудренных, тертых мужиков. Они ее утешали и, несмотря на то что, просматривая результаты «фотосессий», все, как один, тяжело вздыхали, но заказы все же давали — жалели дурочку. Работа тоже в основном была «по знакомым». К чужому человеку девчонку не отправишь, она того гляди завернет там что-нибудь про искусство для импотентов или снимок забачаает, где у «звезды» один глаз закрыт, второго будто и вовсе нет, а изо рта слюна брызжет, выложит в Интернет и станет там рассуждать, что «в неприкрытой правде и есть суть фотографии!» Один сердобольный из редакторов так и попал, судился потом со «звездой», которая про «неприкрытую правду» слушать не желала, а напирала на «ущемление чести и достоинства» и процесс выиграла!..

Между тем Таис Ланко вооружилась фотокамерой, прицелилась и зачем-то запечатлела задницу Алекса, который как раз нагнулся, чтобы убрать с дороги ботинки.

— Ну, все в сборе, — бодро объявила Маня, которая решительно не знала, что теперь делать, и опасалась скандала в присутствии журналистки Ольги Красильченко. — Может, чайку?.. Таис, у меня как раз гостит твой муж.

Алекс хотел что-то сказать, даже рот открыл, но передумал. Журналистка маялась, чувствуя в атмосфере потрескивание электрических разрядов, а Таис Ланко фыркнула и повела плечиком под сиротской тужурочкой из негнущегося, скрипящего, как неисправные тормоза, кожзаменителя — давно миновали времена, когда Анатолий раскошеливался на наряды для супруги!..

— Мы сейчас очень быстро все закончим, — вновь горячо пообещала журналистка, подняв голову, посмотрела на высоченную Маню и улыбнулась ей, как старшие улыбаются малышам. — Вы не волнуйтесь, Марина.

— Да я не волнуюсь. Алекс, я так понимаю, что твое рабочее место — это мое рабочее место? В кабинет проводить?

Знаменитый писатель Лорер в кабинете отродясь не работал. Он вообще никогда не писал в каком-то... специально отведенном месте! Таскался со своим ноутбуком из кухни в прадедушкину библиотеку, а оттуда в спальню, непременно устраивал вокруг себя «гнездо», как это именовала Маня, из книг, старых журналов, музыкальных дисков, обрывков каких-то записей и разномаст-

ных листочков с нарисованными рожицами и выписанными цитатами. Когда он был «в тексте», ничего вокруг не видел и не слышал и однажды таким макаром улетел вместо Парижа в Амстердам — в зале ожидания во Франкфурте, где была пересадка, строчил роман и, дописывая на ходу, ушел в другой коридор и очнулся, только когда его хватились, и французский издатель, обеспокоенный отсутствием знаменитого писателя, стал названивать по всем телефонам.

Подруга Митрофанова несколько раз всерьез толковала Мане, что он полоумный и его нужно лечить у специального врача.

Поливанова проводила всех в кабинет, с тоской думая о том, во что они сейчас превратят ее рабочее место, — девчонка щелкала затвором, все снимала, хотелось бы знать, что именно! — и вернулась на кухню.

Анатоль с воинственным видом болтал в пузатом бокале коньяк. Маня хмуро принялась составлять на поднос чашки.

— А я знал, что она приедет! — мстительно сообщил старый друг — лучше новых двух — и, перегнувшись, выглянул в коридор, где никого не было. — Еще вчера объявила, что ей заказали твоего хрена с горы!.. Тоже мне, нашли фотографа!

— Это ты всем объявил, что она фотограф. Она не сама придумала.

— Вот чего он всем дался, а?.. Нет, ты мне скажи! Ну что, он в самом деле хороший писатель, что ли?! Чего такого он написал, почему все кипятком писают?! Нет, по европейским меркам оно, конечно, может, и написал, но там никакой

литературы давным-давно нету, и культурный процесс скатился ниже...

— Да.

— Чего — да?

— Он хороший писатель.

— Ой, ну брось, а?.. А то я не понимаю в писателях! Ты так говоришь, потому что он тебя трахает и до сих пор не бросил! А вам, бабам, только и надо, чтобы трахали как следует, тогда в каждом мужике вы видите... царя! Вы ведь лишь прикидываетесь порядочными, а на самом деле вы самки, все до одной! Вы все хотите нравиться и трахаться, и если вас не иметь, вы же не простите! Для вас только тот мужик, который...

— Вас вывести или уйдете сами?

Маня чуть не уронила прабабушкину чашку, которую уже минуту без толку терла полотенцем.

Вид у хорошего писателя, стоявшего в дверях, был абсолютно безмятежный. Кажется, даже веселый.

Маня улыбнулась ему грозной улыбкой. Щеки у нее горели тяжелым румянцем. Ах, как Алекс знал и эту улыбку, и румянец!..

— Свари мне кофе. Я что-то сплю целый день.

— А потому что не надо до четырех утра в книжках рыться!

— Мне больше некогда рыться. Ну так что, Анатолий? Уйдете сами или устроим сцену с выволакиванием?

Анатоль медленно и очень выразительно встал, не менее выразительно выплеснул в себя коньяк, сглотнул и с показательным грохотом поставил стакан на стол.

— Значит, так, — начал он, и Алекс подумал с некоторой насмешкой: видимо, все проделанное означает, что придется выволакивать, — я пришел не к тебе, и дом этот не твой! И указывать мне на дверь ты не смеешь!..

Алекс вздохнул.

— У нас полно посторонних, — скороговоркой напомнила ему Маня. — Будь осторожен.

— Никто ничего не заметит, Маня.

— Кто ты такой?! Ты вообще никто, пшик! Книжный червь! Бледная поганка! — И Анатоль зачем-то плюнул на пол. — Я тут всю жизнь провёл, а ты!.. Какое право ты имеешь мне указывать! Я всегда правду говорю, вон Машка знает и меня за это уважает! И если я говорю, что она б...дь, значит, это правда!..

Алекс Лорер — хороший писатель, книжный червь и бледная поганка — одним движением крепко взял Анатоля за руку и за плечо.

Анатоль словно по команде выпучил глаза, коротко прохрипел невнятное, дернулся и нагнулся вперед, будто собираясь искать что-то на полу.

Маня отвернулась. Она знала, что Алекс умеет проделывать всякие такие штуки и время от времени даже проделывает, но смотреть на это не желала.

Ведя Анатоля впереди себя, как непослушную собачку на коротком поводке, Алекс вышел в коридор и пропал. Появился через некоторое время без всякого Анатоля и вежливо напомнил ей про кофе.

Маня достала турку, водрузила на плиту и покосилась на него. Щеки у нее по-прежнему горели, хотя в кухне стало как будто значительно про-

сторнее и легче дышать, и окно она распахнула настежь.

— Что это ты так разошелся?

Он пожал плечами.

— Ты чего разошелся, а?!

Он вдруг улыбнулся очень весело:

— Должен ли я сказать, что не позволю никому оскорблять тебя? Или можно не говорить?

— Можно не говорить, — буркнула Маня. — Кофе в кабинет подам.

— Спасибо.

Она нагнала его в длинном темном коридоре, повернула к себе, обняла и припала.

— Как я устала, ужас. И Анатолий приперся!.. Я думала, ты один приехал, а оказалось... У тебя надолго еще этот конфитюр, в смысле интервью?..

Алекс потерял шетиную о ее горячую щеку.

— Знаешь, я думаю, надолго. Она очень... вьедливая журналистка, эта Ольга.

Маня вздохнула.

— Я так с голоду помру. Совсем. Окончательно. Ты бы хоть привез чего-нибудь!

— Откуда? С интервью? А теперь извините, мне нужно в бакалею?..

Маня фыркнула ему в волосы, в тысячу первый раз мельком подумав, что это несправедливо: такие ресницы и кудри должны были барышне достаться, а достались...

Кабинетная дверь распахнулась, прямоугольный кусок теплого вечернего солнца упал на них, прижавшихся друг к другу. Алекс зажмурился.

Журналистка Ольга Красильченко ойкнула, засуетилась, заоборачивалась и юркнула обратно в кабинет.

Из кухни громко зашипело, и, кажется, что-то там полилось.

— Кофе сбежал, — сообщила Маня. — Иди, я сейчас новый сварю.

Настроение у нее стремительно улучшалось, и, собирая с плиты коричневый засохший порошок, она даже напевала себе под нос.

Может, в магазин пока сгонять, раз уж введливая журналистка Ольга так просто не отстанет?.. А что? Вполне! До гастронома на бульваре довольно далеко, зато через три дома есть крошечная дорогушая лавочка, гордо именовавшаяся «продовольственный бутик». В «бутике» были представлены французские паштеты и багеты, русские осетры, водки и «кавьяры», шотландские виски и испанские хамоны, в лучших традициях подвешенные к потолку на длинных веревках. Народ в «бутик» заходил больше на экскурсию, чем за продуктами, и Маня не слишком любила покупать там еду — дорого и бестолково.

Но ради такого случая — приступа любви к Алексу, изгнанному из ее дома «старого друга», — вполне можно!..

Очень осторожно она внесла в кабинет поднос с начищенными до блеска кофейником и чайником, пристроила его на прадедушкин стол зеленого сукна и сообщила, что «отойдет на минутку».

Алексу сообщение не понравилось — Маня определила это по его носу. Вслух он ничего не сказал, говорить «о личном» мешали разложенные вокруг диктофоны общим числом три штуки. Должно быть, Ольга Красильченко и впрямь очень ответственный журналист, вон как подгото-

вилась!.. Таис Ланко на Маню вообще не обратила никакого внимания. Она скучала на прадедушкином кожаном диване, держа на худосочном животе фотоаппарат. Специальные лампы на длинных ногах, расставленные тут и там, не горели, очевидно, «фотосессия» еще впереди.

Потом нужно будет обязательно, обязательно посмотреть, что там Таис наснимает, а то мало ли что...

На улице было тепло и по-летнему пустынно. Маня очень любила Москву именно летом, когда она немного освобождалась от машин и людей, становилась просторной, начинала легче дышать. На бульваре вдалеке местные мамы катили коляски и ковыляли карапузы, уже выросшие из колясок. Следом ковыляла бабушка или няня — и бабушка, и карапуз в панамках, чтоб «не напекло», бабушек почему-то всегда беспокоит, что внучку «напечет головку», хотя вечернее московское солнце решительно никому и ничего напечь не может! Машин мало, и все чистые, веселые. Чахлые липы в скверике стояли, не шелхнувшись, отдохали. И пахло летом, волей.

...Во дворе издательства «Алфавит», обустройством и красотой которого занималась сама генеральная директриса, вскоре распустятся пионы. Маня Поливанова очень любила пионы, и Анна Иосифовна всегда преподносила ей букет самых первых, самых свежих!..

А вот Александр Шан-Гирей никаких букетов не преподносил, хотя она несколько раз с дальним прицелом толковала ему про пионы!.. Как правило, он вспоминал о них глубокой осенью,

некоторое время бестолково искал, благополучно не находил и успокоенно забывал.

В «бутике» Маня купила так много — все вкусное! — что пакеты тащила с трудом, и пришлось даже по пути сделать привал. Она пристроила грузы на лавочку, поправила на вспотевшем носу очки и оглянулась по сторонам.

Коляски катились, карапузы топали, бабушки поспешали. Как, однако, хороша жизнь!..

Из ее подъезда, до которого было уже, в сущности, рукой подать, выскочила Таис Ланко и дунула в противоположную от Мани сторону, к Садовому кольцу.

...Должно быть, Алекс и ее выставил, решила Маня. Стала бузить, вот он и выставил. А что? С него станется!.. Впрочем, нам от этого только лучше, свободнее. Хотя дело-то останется несделанным, фотографии к интервью нужны, как ни крути. Пришлют другого фотографа, на него придется потратить еще полдня!..

Маня Поливанова загрузилась в лифт, кое-как прикрыла двустворчатые тугие дверцы и локтем — руки-то заняты! — нажала выпуклую черную кнопку. Лифт в старинном доме на Покровке тоже был старинный, и кнопки правильные, упитанные, нажимавшиеся со смачным щелчком. На втором этаже лифт, медленный, как черепаха на прогулке, остановился, и вошла соседка Софья Захаровна со своей левреткой по имени Гарольд. Ей нужно было вниз, выгуливать Гарольда, но она сказала Мане, что с ней «прокатится».

— Вот времена, — уронила Софья Захаровна, сторонясь Маниных пакетов. — Женщина вы-

нуждена сама — сама! — таскать сумки! Да еще такие тяжеленные!

Маня покивала, соглашаясь. Очки съехали на кончик носа.

Софья Захаровна не одобряла Маню, а заодно и ее не слишком приличную связь с Алексом. Во-первых, в законном браке никто не состоит. Во-вторых, в чинный подъезд с фикусами, где нет никаких чужаков, а ордера в свое время подписывал сам товарищ Калинин, с появлением Маниного кавалера повалили какие-то странные личности, утверждавшие, что они — журналисты. К чему приличным людям журналисты?! В-третьих, профессии у обоих какие-то подозрительные. Ну, что это, скажите на милость, за профессия — писатель?.. Хорошо хоть артиста не привела! Впрочем, что с нее взять, одна, без старших, присмотреть некому.

Мимо клетки, которая плыла вверх с черепашьей скоростью, кто-то громко протопал и кубарем покатился по лестнице вниз.

— Уж не ваш ли... приятель ринулся? — осведомилась Софья Захаровна.

— Думаю, что нет, — бодро заявила Маня и кое-как открыла двери причалившего лифта. Соседка никак ей не помогла. — До свидания!

В ее квартире работа шла полным ходом, и все оказались на месте, включая Таис Ланко, про которую Маня думала, что Алекс ее выгнал. Лампы на длинных ногах запалены, свету столько, что кажется, будто сейчас вытекут глаза, и жара, невыносимая, одуряющая.

...Странно. Кого же я тогда видела у подъезда?.. Или у меня галлюцинации начались в прямом, так сказать, смысле слова?..

Сегодня

Все некоторое время молчали, а Маня полезла в холодильник и налила себе нарзану — говорила долго, устала, во рту пересохло.

— Хотите? — предложила она Мишакову, и тот задумчиво кивнул.

Вода оказалась вкусной, пузырчатой, ледяной.

...Значит, надо соседку расспросить первым делом, остальных можно потом.

Журналистку Красильченко тоже следует найти немедленно и поговорить по горячим следам, и эту, супругу-то, со странными именами!..

— Как, вы сказали, ее настоящее имя?

— Таис? Я точно не помню, но вроде сначала она была Настя Обдуленко.

— Настя — это Анастасия, что ли?

Маня пожала плечами.

— А вот вы когда возле подъезда на лавочке отдыхали, точно видели, что это она выходила?

— Мне показалось, что она. — У Поливановой сделался виноватый вид, как будто она стеснялась, что не может быть окончательно и бесповоротно полезной. Алекс ненавидел этот ее виноватый вид! — Но у меня зрение плохое, да еще астигматизм, так что...

— Не могла же она у вас перед носом проскочить, а потом оказаться в квартире! — грубо ска-

зал Мишаков, который не знал, что такое астигматизм. — Выходит, это была не она.

— Выходит, — согласилась Маня быстро.

— А могла она по лестнице подняться, когда вы в лифте с соседкой ехали? Вы вроде сказали, по лестнице кто-то топал!

— Мне показалось, что человек спускался, а не поднимался, очень быстро бежал, понимаете?.. Хотя... я вижу плохо и все время на пакеты смотрела, боялась, что порвутся. Они тяжелые такие были, я их еле волокла! Может, имеет смысл у Софьи Захаровны спросить?

— Мы спросим, — пообещал Мишаков и с сожалением посмотрел на пустую бутылку из-под нарзана, ему хотелось еще.

Писательница Поливанова капитанское сожаление заметила, моментально достала из холодильника следующую и налила почти целый стакан, сразу подернувшийся туманной прохладной пленкой.

...Она наблюдательная, подумал Мишаков, с удовольствием глотая воду, все замечает. Нужно будет посмотреть в Интернете, что такое этот самый «астигматизм».

— Ну а вы? — И он повернулся к патлатому, оказавшемуся знаменитым писателем. Вода булькнула в горле, и капитан стыдливо прикрыл рот рукой.

— Что... я?

— Пока ваша сожительница в магазин бегала, сумки тащила, вы все время вот тут, в кабинете, отдыхали и давали интервью. Так?

Слово «сожительница» он употребил намеренно, чтоб уязвить писателя. Капитану было

известно, что тонкие натуры никаких таких слов не любят и при произнесении их всегда становятся на дыбы, а капитану было очень важно писателя... раскачать. Поставить на дыбы. Пока он вел себя так, как будто происходящее его не касается — вон даже на площадку не вышел, когда труп обнаружили.

...Нет, когда его обнаружили, может, писатель и выходил, а когда опера приехали, сидел в собственной кухне на подоконнике, ногой качал!..

...Посмотрим, как ты крыльями замашешь, когда я тебе пару хороших вопросов впаю! Да еще объявлю, что ты, как ни крути, и есть главный подозреваемый!.. Сожительницу твою убиенный оскорблял? Оскорблял! Ты ему в рожу давал? Да-вал!.. С лестницы спускал?.. Спускал!

Впрочем, если все, что рассказала писательница, правда, капитан бы этого Кулагина и сам, пожалуй, того, с лестницы спустил!

Не любил, ох, не любил капитан таких фанатберий, когда негодный вроде мужичонка бабу унижает, и чем гаже мужичонка, тем больше унижает — только от гадости своей и слабости во всех вопросах!

Писатель на специальное слово «сожительница» никакого внимания не обратил и ироничному капитанскому тону значения тоже не придал. Только кивнул, и все — да, мол, был все время здесь.

— А скажите, вот интервью, к примеру, это долгое дело, да?.. Вроде вы с утра уехали, а приехали только под вечер, а интервью все ни с места?

— Мы заканчивали уже, — вяло сказал писатель. — Маня, принеси мне мобильный. Нужно

Анне Иосифовне сообщить, что в издательство я сегодня не приеду. — Он перевел на капитана странно светлые, как у полярного волка, глаза. Они, удивился Мишаков, у него были как будто желтые, и впрямь волчьи. — А интервью разные бывают, капитан. Ольга Красильченко — журналист опытный и с репутацией. Стандартных вопросов не задает, и стандартных ответов ей не нужно. С ней трудно разговаривать. Я от нее очень устал, но обещание есть обещание!

— Алекс обещал нашему издателю, что даст это интервью, — встряла Поливанова. — Вы знаете, мы все любим Анну Иосифовну, и когда ей что-то нужно, стараемся...

— Это к делу не относится! — перебил Мишаков. — Когда Мария Алексеевна в магазин ушла, они обе, и журналистка, и фотограф, у вас на глазах были? Все время?

И подумал злобно, что, если писатель опять пожмет плечами, он его точно в «обезьянник» отволочет!.. Вот прям так, за буйные кудри, в машину и — добро пожаловать в отделение!..

Писатель пожал плечами.

Капитан перевел дух.

— Это что значит?

— Ольга все время задавала мне вопросы. Мы сидели в кабинете. Кажется, я только один раз вышел, чтоб подогреть кофе. Маня сварила, когда уходила, и мы его пили.

— Алекс, подогретый кофе — не кофе, — опять встряла Поливанова, — нужно было свежий сварить, что ты, ей-богу!